Даниил Мелентьев

Этнография и эротика в Русском Туркестане

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-308-344

Daniil Melentev

Ethnography and Eroticism in Russian Turkestan

Daniil Melentev — National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia). back-in-95@mail.ru

*There are not many examples of gender studies in the field of historical research of Muslim peripheries of the Russian Empire. This article explores the representations of Muslim women in pre-revolutionary Turkestan. It focuses on the research and practices of colonial ethnography, which supplied the authorities with knowledge about local people. In particular, the article considers and compare "The Turkestan Album", a state-sponsored photography project, and French traveler Hugues Krafft's volume "Through Russian Turkestan»", with the pictures of Muslim women. The article deals with the issue of social portrait of Muslim women by external observers. Besides, it looks at how the observers assessed the morality of Muslim women, as well as the impact of male addiction with effeminate young boys (*bachas*) on the segregation of women.*

Keywords: Gender studies, cultural history, oriental studies, Muslim women, prostitution, *bachas*, Russian Turkestan.

Со второй половины 1860-х Российская империя непрерывно поглощала пространство среднеазиатского региона. Еще не завершив военную кампанию, создав Туркестанское генерал-губернаторство (1867), государство приступило к институциональному устройству новых владений. Властям требовались знания для понимания специфики края, поэтому собирались этнографические описания коренных народов. Калейдоскоп социально-политических и культурно-психологических норм требовалось изучить и классифицировать. Агентами, собиравшими информацию, являлись служащие Тур-

Мелентьев Д. Этнография и эротика в Русском Туркестане // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 308–344.

Melentev, Daniil (2020) "Ethnography and Eroticism in Russian Turkestan", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(2): 308–344.

кестанского военного округа (ТуркВО), а также профессиональные ученые[1].

Исследователи старались выяснить не только общие сведения, а получить достоверные данные. В частности, они обращали внимание на публичное и семейное положение мусульманок. Офицеры часто опирались на описания предшественников[2]. При полевых изысканиях информантами становились мужчины-мусульмане. Чиновники использовали административное положение: мусульманскую интеллигенцию приглашали на торжественные мероприятия или домой для бесед в неформальной обстановке[3]. Путешественники прибывали из Центральной и Западной Европы, США[4]. Они также обращали внимание на мусульманку, ее роли в обществе и культуре.

1. Процесс накопления знаний о российском Востоке имперской администрацией изучался в позднейшей литературе. См.: *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент: Издательство АН Узбекской ССР, 1962; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: ФАН, 1979; *Лунин Б.В.* История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX века). Ташкент: ФАН, 1990; Geraci R.P., M. Khodarkovsky, eds. (2001) *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. London: Cornell University Press; *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 году. М.: Типография Августа Семина, 1822; *Хива или географическое и статистическое описание Хивинского ханства*. М.: Университетская типография, 1840; *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1843; Abbot, J. (1843) *Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburgh*. London: Wm. H. Allen and Co. in 2 vol; Burslem, R. (1846) *A Peep into Toorkistan*. London: Pelham Richardson; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки в Тегеран через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд. СПБ.: Типография А.И. Мамонтова, 1865; *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Типография Таблена и Ко, 1868; *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: (Русские путешественники в странах Востока), Наука, 1968; *Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича)*. М.: (Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века), Наука, 1983.
3. *Фуркат.* Автобиография: избранное / сост. Х. Расулев. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1961. С. 360.
4. Schuyler, E. (1876) *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*. NY.: Scribner, Armstrong & Co; Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Boston: Houghton, Mifflin & Co; Skrine F.H., Ross, E.D. (1899) *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times*. London: Methuen & Co; Kennedy, R. (1890) *A Journey in Khorassan and Central Asia*. London: Hatchards;

Уникальное произведение в 1880-е гг. было создано супругами Наливкиными[5]. Владимир Петрович в начале 1870-х был участником нескольких туркестанских походов, но вскоре по политическим воззрениям (социализм) и этическим соображениям (грубое обращение с коренным населением) подает в отставку. В.П. Наливкин погружается в этнографию, а также параллельно решает посвятить жизнь просветительству, став в начале 1880-х преподавателем в нескольких учебных заведениях Ташкента[6]. Жена Наливкина, Мария Владимировна, стала первой европейкой, которой удалось в полевых условиях изучить повседневную жизнь мусульманок Туркестана[7]. Вероятно, она знала один из местных языков (тюрки или фарси). В очерке присутствует, кроме подробных антропологических и психологических характеристик женщин, анализ сур Корана, которые указывают на положение мусульманок в обществе. Выводы, сделанные Наливкиными, сильно отличаются от сочинений, созданных как до, так и после публикации их работы. В их очерке мусульманки предстают не несчастными созданиями, а субъектами, обладающими некоторыми правами и внятной логикой жизни.

Помимо этнографических очерков и травелогов в статье задействованы визуальные источники: государственный фотопроект «Туркестанский альбом» и неофициальный «Через Русский Туркестан» французского путешественника Гуго Краффта. Морально-нравственные стороны жизни туркестанского социума через визуальные репрезентации уже становились объектом изучения[8].

Meakin, A. (1903) *In Russian Turkestan. A Garden of Asia and Its People*. London: Ballantyne, Hanson & Co; Kemp, E.G. (1910) *The Face of Manchuria, Korea & Russian Turkestan*. London: Chatto & Windus; Olufsen, O. (1911) *The Emir of Bokhara and His Country*. Copenhagen: Nielsen & Lydiche; Curtis, W.E. (1911) *Turkestan: The Herat of Asia*. NY.: George H. Doran Company.

5. *Наливкин В.П. Наливкина М.В.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типография Императорского университета, 1886.

6. *Абашин С.Н.* В.П. Наливкин: «… Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть…» / Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды: сборник; ред.-сост.: С.Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 17–63.

7. *Арапов Д.Ю.* Владимир Петрович Наливкин (Биографическая справка) / Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды: сборник; ред.-сост.: С.Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 11–16.

8. *Абашин С.Н.* Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. 2012. № 04(84). С. 120–138; *Чернышева М.* Новый взгляд на феномен реализма: о фотографическом проекте художника Верещагина и генерала Кауфмана // Ab Imperio, № 4, 2015. С. 379–413; *Юргенева А.Л.* Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Визуальные медиа: история, эстетика, современные тенденции, № 3, 2018. С. 136–167;

Наиболее близкими по тематике к статье являются недавние работы В.А. Прищеповой[9], изучавшей отклонения в поведении двора эмиров и ханов Туркестана, не выходя за рамки богатого сословия. Однако русские и европейцы упрекали в аморальном поведении не столько «туземные» элиты, сколько само местное общество. К тому же, В.А. Прищепова делает вывод, что девиантное поведение «туземцев» было «нормализовано» присутствием русской власти в Туркестане, а окончательно уничтожила все отклонения Октябрьская революция и приход к власти большевиков. Настоящая работа доказывает обратное: русские власти оказались в «промежуточной позиции», к которой их привела «политика невмешательства» в дела коренного населения[10].

Травелоги и этнографические очерки XIX — начала XX века неотделимы от ориентализма. Извлечение знаний о Востоке как способ западного доминирования впервые было обозначено в знаменитой работе Эдварда Саида (1935–2003)[11]. Для нас важна проблематика экзотизации и эротизации, отождествление Востока с женским началом, что красной нитью проходит в книге Саида. Европейцы выбирали подобную оптику, поскольку понимали Восток как «пространство без цензуры», с допустимым игнорированием формальных морально-нравственных норм. Особенно желанным для мужчин-европейцев было проникнуть за толстые стены гарема, получить доступ к телу восточных красавиц, прочувствовать безграничную возможность манипуляций над женщиной, испытать всю палитру эмоций от сексуальности мусульманок[12]. Подобными стереотипными категориями европейцы

Gorshenina, S., Sonntag, H. (2018) “Early Photography as Cultural Transfer in Imperial Russia: Visual Technology, Mobility and Modernity in the Caucasus and Central Asia”, *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences:* 322–344.

9. *Прищепова В.А.* Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) / Центральная Азия: традиция в условиях перемен / отв. ред. Р.Р. Рахимов. СПб.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 223–260; *Прищепова В.А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011.
10. См. об этом: Morrison, A.S. (2008) *Russian Rule in Samarkand. A Comparison with British India* (1868–1910). NY.: Oxford University Press; *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016; *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: РОССПЭН, 2018.
11. *Саид Э.В.* Ориентализм: западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Міръ, 2016.
12. Alloula, M. (1997) *The Colonial Harem* / trans. from French: Myrna Godzich and Wlad Godzich. London: University of Minnesota Press.

конструировали образ Востока как «другого», которому требуется помощь западного мира с его рациональным и утилитаристским мировоззрением, обществом и культурой[13].

Целью статьи является изучение дореволюционной динамики репрезентаций мусульманок Туркестана. Как европейцы/русские получали знания и оценивали визуальные качества, характер и нравственность мусульманок? Какую роль выполняла этнографическая фотография? С чем европейцы связывали сегрегацию мусульманок и как это коррелировало с проституцией и гомосексуализмом?

Мусульманки глазами европейских наблюдателей

Репрезентации мусульманок зависели от эстетических вкусов наблюдателя, уровня образования, культурных и социально-политических идеалов и ориентиров. Европейцы в своем сознании помещали восточную женщину в сказочное пространство гарема[14], а мужей видели как тиранов, не осознающих, каким сокровищем владеют. Во многом мусульманка была интересна мужчине-европейцу как объект вожделения, сексуальная фантазия: труднодоступная, плохо осязаемая, но пленительная и заветная[15].

Туркестанские городские мусульманки (сартянки) репрезентировались как красивые, со смуглыми лицами, проницательным взглядом, страстные и кокетливые[16]. Отмечалось, что сартянки в основном миниатюрные, в изгибах тел их много женственности[17]. Кочевницы (туркменки и киргизки), наоборот, казались малопривлекательными. Композитор Вильгельм Наполеонович Гартевельд (1859–1927), посетив туркменские земли, признавался, что 50% женщин не мешало бы закрывать чем-нибудь свои лица,

13. Boetsch G., Savarese E. (1999) “Le corps de l’Africaine. Érotisation et inversion », *Cahiers d’études africaines* 39(153): 123–144; *Соболев В.Г.* Историография российского ориентализма: к вопросу о методологии исследования // Pax islamica. 2013. № 2(11). С. 39–59; Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016.

14. В Туркестане гаремы содержали правители и богачи, основная масса населения была бедна. Большинство мусульман были моногамны.

15. *Саид Э.В.* Ориентализм. С. 311.

16. *Тагеев Б.* По Афганистану. Приключения русского путешественника. М.: Типография Д.П. Ефимова, 1904. С. 72;

17. *Шишов А.* Сарты. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1904. С. 106; *Минаев И.* Сведения о странах по верховью Амударьи. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. С. 192.

«ибо такие физиономии редко где можно встретить»[18]. Этнограф Дмитрий Иванович Эварницкий (1855–1940), прибыв в Туркестан, сокрушался, поскольку на городских улицах невозможно было увидеть ни глаз, ни лица мусульманки, укутанной в синюю паранджу[19]. Представления о восточной женщине могли черпаться не только из ориенталистской литературы, а корениться в сложившимся психологическом фоне Западного мира XIX века. Тогда понятия «секс» и «женщина» были нераздельны, и женщину идентифицировали, опираясь на ее сексуальность[20].

Мнение европейцев об умственных способностях мусульманки было снисходительно-пренебрежительное. По соображениям европейцев/русских, мусульманки могли думать только о любви:

> ... вот вам мир среднеазиатской пустыни, на горизонте которого яркой звездой блещет любовь женщины, та дикая, заменяющая все чувства, все страсти ... любовь, о которой мы не имеем понятия. Там женщина в своем заточении только и живет для любви; ее обдумывает она в долгие дни одиночества, ее лелеет, ею гордится и красуется; она не знает других сердечных волнений...[21].

Познания об античной истории Средней Азии, а именно о браке Александра Македонского (356–323 годы до н.э.) с бактрийской княжной Роксаной, журналисту Евгению Львовичу Маркову (1835–1903) давали основу для фантазий, как миловидны должны быть местные женщины[22]. Помимо исторических реминисценций и описаний внешности, европейцы давали морально-нравственную оценку восточной женщине. Некоторым мусульманки казались мстительными, ревнивыми, корыстными и склочными[23].

18. *Гартевельд В.Н.* Среди зыбучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1914. С. 52.

19. *Эварницкий Д.И.* Путеводитель по Средней Азии. От Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1893. С. 130; Skrine, F.H., Ross, E.D. (1899) *The Heart of Asia*, p. 368.

20. *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи (1789–1918) / пер. с англ. Е. Незлобиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 169.

21. *Ковалевский Е.П.* Зюльма, или женщина на Востоке / Странствователь по суше и морям. СПб.: Типография И.Н. Бочарова, 1843. С. 12–13.

22. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901, т. 1. С. 405.

23. *Хорошхин А.П.* Сборник статей касающегося до Туркестанского края. СПб.: Типография А. Траншеля, 1876. С. 116; *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки

Иные наблюдатели возвышали нравственные качества мусульманок Туркестана. Европейцам импонировало стремление мусульманок создать крепкую семью[24]. Полковник Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895), побывавший в составе миссии кн. Ф.А. Витгенштейна в качестве чиновника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе в Бухарском эмирате, подчеркивал, что мусульманки целомудренны и избегают встреч с европейцами, даже будучи полностью скрыты паранджой. Вместе с тем, были случаи, когда Крестовский, проходя по улицам Бухары мимо домов и поднимая голову к окнам второго этажа, мог видеть мусульманок, которые не прятались в комнате, а позволяли любоваться собой[25]. Похожий случай произошел в Андижанской области с географом Владимиром Платоновичем Вощининым (1882–1965)[26].

Среди европейцев было распространено мнение, будто у мусульманок нет прав и свобод, они не могут ступить шага без разрешения мужчины. В действительности, все зависело от того, где и какие группы населения они наблюдали: горожан, горцев или кочевников. Например, туркменки (текинки), по мнению ряда наблюдателей, пользовались долей самостоятельности, могли владеть землей, водой, имели право голоса на сходах общины (маслахатах)[27]. Тяжелое положение мусульманок было очевидно в непропорциональном разделении домашних обязанностей. На женщин взваливали всю грязную работу. Они также могли привлекаться к сбору урожая, кустарному производству (шить ковры или одежду)[28]. Усталость и тяжелые условия труда сказы-

быта туземного населения. Петроград: Типография Б.Д. Брукера, 1916. С. 364–365.

24. *Гейер И.И.* Туркестан. Ташкент: Типография туркестанского т-ва печатного дела, 1909. С. 184.

25. *Крестовский В.В.* В гостях у Бухарского эмира. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1887. С. 275.

26. *Вощинин В.* Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб.: Типография т-ва «Наш век», 1914. С. 31.

27. *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб.: Типография В.С. Калашева, 1883. С. 77–78; *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 258. Офицер А. Ломакин — знаток адата туркмен, придерживался противоположного мнения. Изучив права и свободы туркменок, он пришел к выводу, что образ свободной и самостоятельной женщины не соответствует действительности. Наоборот, его следует считать удручающим. *Ломакин А.* Обычное право туркмен. Ашхабад: Типография К.М. Федорова, 1897. С. 29–32.

28. *Алиханов М.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб.: Типография А. Траншеля, 1883. С. 37–38; *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. С. 15; *Гейер И.И.* Туркестан. С. 19, 155;

вались на здоровье женщин, которые теряли привлекательность, рано старели[29].

Мусульманка Туркестана в объективе фотокамеры

В первой половине XIX века появился фотоаппарат, позволивший расширить горизонты восприятия. Фотография помогала ощутить близость или подчеркнуть разность культур. Она предоставляла уникальное средство, которым власть могла воспользоваться для манипуляции общественным мнением. Фотография позволила упростить процесс сбора этнографических данных. Впервые в стратегиях присвоения завоеванных пространств Российской империи фотография использовалась на Кавказе. Опыт оказался удачным, поэтому его решили перенести ближе к среднеазиатским рубежам[30]. В начале 1870-х гг. был реализован фотопроект «Туркестанский альбом».

Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в создание альбома вкладывал пропагандистский смысл, желая наглядно показать западным державам освоенный русскими Туркестанский край[31]. Другой целью могло быть просвещение, т. е. демонстрация элитам, какими народами и городами владеет империя, в чем состоит богатство новых территорий. Во время Великих реформ (1860-е–1870-е гг.) среди русской просвещенной публики началась дискуссия об угнетенном состоянии женщины и необходимости ее «*раскрепощения*» подобно недавно освобожденным крестьянам[32]. Не исключено, что одной из функций альбома была демонстрация положительного влияния русской власти и культуры на мусульманку. Созданием альбома занимался востоковед Александр Людвигович Кун (1840–1888)[33]. Снимки делились на секции: этнографическую, историческую, археоло-

29. *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. С. 51. *Куропаткин А.* Туркмения и туркмены. СПб.: Типография В.А. Полетики, 1879. С. 34.

30. Gorshenina S., Sonntag H. *Early Photography as Cultural Transfer in Imperial Russia: Visual Technology, Mobility and Modernity in the Caucasus and Central Asia,* pp. 322–344.

31. *Чернышева М.* Новый взгляд на феномен реализма: о фотографическом проекте художника Верещагина и генерала Кауфмана. С. 379–413.

32. Brower, D. (2003) *Turkestan and the Fate of Russian Empire*, p. 41. London: Routledge.

33. *Султонов А.У.* Русский востоковед А.Л. Кун и его коллекция исторических документов мазара Ахмада Йасави // Восточный архив, № 1(29), 2014. С. 76–83.

гическую и промыслово-техническую. Всего было отобрано 1235 снимков, не считая рисунков и карт[34].

В разделе, посвященном этнографии, находится 491 фотография, которые поделены на две части. Снимки в подобных официальных проектах производились для исчерпывающего рассмотрения образов «туземцев», что подразумевало учет традиционных одеяний и религиозных обычаев[35]. Первая часть «Туркестанского альбома» состояла в основном из портретных фотографий, сделанных в анфас и профиль. Большинство располагались по три в ряд, где сначала шли образы мужчин, а затем женщин. Вместе с мусульманками в альбоме есть фотографии евреек и цыганок, заснятых в праздничных нарядах, впрочем, как и остальных. Кадры делились по этнической принадлежности: сначала шли портреты киргизов, таджиков и т. д.[36].

Иллюстрация № 1[37]
Образы из Туркестанского альбома

34. *Абашин С.Н.* Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке. С. 120–138.

35. *Юргенева А.Л.* Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации. С. 136–167.

36. *Кун А.Л.* Туркестанский альбом. Часть этнографическая. Туземное население в русских владениях Средней Азии. Ташкент: Типо-литография ТуркВО, 1871–1872, т. 1. С. 3–32. [https://www.rusroads.com/media/102347-turkestanskiy-albom-chast-etnograficheskaya-1871-1872-gg, доступ от 02.08.2019]

37. Там же. С. 6.

Во второй части присутствовало всего 4 снимка с мусульманками. На фотографии, которая находится в разделе «Общественные увеселения среднеазиатцев», наряду с раскуриванием опиума изображена молодая девушка, сидящая в традиционных одеждах на коврах. Она с открытым лицом и держит в руках бубен (*зенбаз*). Девушка вполоборота смотрит в объектив[38].

Иллюстрация № 2
Мусульманка с зенбазом

Все фото постановочные, что определяется по художественности поз, размещению предметов, а также по фокусировке позирующих на фотоаппарат. Хотя фотохудожник внушает зрителю, что съемка сделана спонтанно, несложно заметить, что модели застыли в неудобных позах. Подчеркивает искусственность вне-

38. *Кун А.Л.* Туркестанский альбом. т. 2. С. 4.

шний вид мусульманок, представленных с открытыми лицами, лишь с покрытой платком головой или в тюбетейке, в домашней обстановке, на фоне однотонной, чистой от декора стены. Ближе к концу первой части мы находим снимок, где показана повседневная одежда (паранджа) городских мусульманок[39], но эти фотографии никак не объяснены составителями.

Иллюстрация № 3
Повседневное одеяние городских мусульманок Туркестана

Образ мусульманок в «Туркестанском альбоме» и нарративных источниках

Существует стереотип, что в городах и кишлаках Туркестана мусульманки не появлялись на улице с открытым лицом. На самом деле это наблюдение, сделанное европейцами в одной местности и распространенное на всю территорию края: ситуация была

39. *Кун А.Л.* Туркестанский альбом. т. 1. С. 71.

далеко не однородна. Хивинские мусульманки носили на голове тюрбаны, кутались в толстую ткань, обували кожаные сапоги[40]. Верхняя одежда — рубаха, сверху надевался халат с широкими рукавами (*мурсек*). Ноги полностью закрывались облегающими панталонами. Поверх всего накидывалась *чадра* (паранджа). Ташкентские сартянки повязывали голову белым платком (*урамаль*). Дополнительно лицо закрывал непроницаемый *чимет* (сетка)[41]. Штаны заправлялись в кожаные сапоги (*ичиги*), поверх надевали рубаху и цветной кафтан (*бешмет*). Замужняя мусульманка не могла появляться на улице без чадры, незамужние могли закрывать лицо кисеей[42].

В горных районах женщине разрешалось ходить по кишлаку не закрывая лицо[43], что связано с удобством передвижения. Кочевницы не носили паранджу, их одежда не отличалась от мужской[44]. Киргизки надевали длинную рубашку, широкие штаны, халат с длинными рукавами, сапоги, на голову белый платок[45]. У туркмен Закаспийской области мусульманки также не носили чадры. Костюм туркменки состоял из разноцветной рубашки и панталон, шерстяного халата, платка или тюбетейки[46]. Важной приметой на фотографиях, в особенности на тех, где представлены узбекские и таджикские девушки, является прическа. Она указывала на статус девушки (свободна/замужем), что определялось количеством кос. Если их пять (*бещ какул*) — свободна, если две (*джуан*) — в браке[47]. На большинстве фотографий у девушек пять и более кос. Например, у узбечки Махтаб-ай и таджички Махсат-ай волосы разделены пробором, а косичек больше пяти, на голове тюбетейка[48].

40. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. С. 15.

41. *Хорошхин А.П.* Сборник статей касающихся до Туркестанского края. С. 113–114.

42. *Гейер И.И.* Туркестан. С. 18.

43. *Шишов А.* Таджики. Ташкент: Типография туркестанского т-ва печатного дела, 1910. С. 113.

44. *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Типография В. Безобразова, 1870. С. 40.

45. *Смирнов Б.В.* В степях Туркестана. М.: Издание книжного склада М.В. Клюкина, 1914. С. 18.

46. *Алиханов М.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. С. 40.

47. *Хорошхин А.П.* Сборник статей касающихся до Туркестанского края. С. 114.

48. *Кун А.Л.* Туркестанский альбом. т. 1. С. 14, 18.

Иллюстрация № 4
Узбечка Махтаб-ай и таджичка Махсат-ай

Как кажется, возраст девушек на снимках близок к 20 годам, поэтому скорее всего они должны быть замужем. В Туркестане вступление в брак происходило в 12–15 лет, также известны случаи выдачи замуж девочек более юного возраста[49]. Вероятно, нехарактерная прическа и «раскрепощенный» вид женщин на снимках были требованиями фотографа. Остается загадкой, как девушки соглашались на создание такого образа? Как подбирались «модели» для съемки? Была ли договоренность с мужем? Неизвестно и социальное происхождение девушек. Возможно, на снимках — дочери мусульман, тесно сотрудничавших с имперской администрацией[50], соответственно, сравнительно русифицированных.

Фотография и проституция

Помимо «Туркестанского альбома», мы опираемся на важную работу «Через Русский Туркестан», написанную в конце XIX — нача-

49. *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Новый Маргилан: Типография Ферганского областного правления, 1891, т. 2. С. 165.

50. *Граменицкий С.М.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1896. С. 48.

ле XX столетия французским путешественником Гуго Краффтом (*Hugues Krafft, 1853–1935*). В отличие от Альбома, фотографии, сделанные французом, снабжались авторскими комментариями. Крафft наряду с монументами и городскими пейзажами делал снимки жителей. В разделе «Habitations et mœurs» («Жилища и нравы») им были запечатлены мусульманки разных возрастов[51]. На одной из иллюстраций мы находим группу мусульманок, одетых в паранджу, проходящих по кромке улицы, направляющихся на базар[52]. На соседней странице расположено постановочное фото, где девочка, стоя около стены, держит маленького мальчика, возможно, брата. На фотографиях люди одеты скромно, повседневно[53]. На снимке лицо у девочки не закрыто, поскольку в детском возрасте им разрешалось ходить без чадры.

Иллюстрация № 5
Детский женский образ

51. Krafft, H. (1902) *A travers le Turkestan Russe. Ouvrage illustré de deux cent-soixante-cinq gravures d'après les clichés de l'auteur et contenant une carte en couleurs*, p. 103. Paris: Hachette.
52. Ibid, p. 105.
53. Ibid, p. 106.

В разделе «Types et costumes» («Типы и костюмы») Крафft сделал ряд постановочных снимков мусульманок. Удивительно, но и в этот раз, как в 1870-е, получилось уговорить женщин на фотосессию. Крафft объясняет свой успех тем, что нашел проституток, согласившихся позировать[54]. Он пытался сделать снимки мусульманок Бухары, но не удалось. Француз думал: либо в Бухаре нет куртизанок, либо они держатся в секрете[55]. Крафft был близок к истине, поскольку в Туркестане существовала открытая (*джаляп*) и тайная (*купия*) проституция[56], известная немногим. Избранным кругом была «туземная» буржуазия: чиновники, купечество, духовенство. Тайных или «элитных» проституток приглашали на вечера в качестве танцовщиц, которые не только ублажали мужчин, но составляли приятную компанию[57]. Крафft не мог точно определить этническую принадлежность девушек, которых фотографировал. На наш взгляд, это узбечки, таджички или туркменки, монголоидных типов нет.

Француз оставил описание нарядов, отличавшихся от одежды «порядочных» мусульманок. Проститутки носили европейскую одежду в сочетании с местной: жакеты, туники, свободные платья, халаты. Наряды были изготовлены из дорогих материалов, расшивались бархатом или шелком[58].

Прически, которые описывает Крафft, похожи на те, что мы видели в «Туркестанском альбоме». Длинные волосы разделены посередине пробором, заплетены в косы, но не две или пять, а больше и тоньше, куда вплетались серебренные украшения[59]. На голове куртизанки носили диадему, которую увешивали посеребренными и бирюзовыми подвесками, вставляли перья. Проститутки любили драгоценные камни, инкрустировали ими ювелирные украшения[60]. На шее носили серебряные колье, с вкраплением кораллов и ракушек. Куртизанки следили за своим туалетом, покупая благовония и духи[61].

54. Ibid, p. 149.
55. Ibid, p. 149.
56. *Наливкин В.П. Наливкина М.В.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. С. 238.
57. Там же. С. 243.
58. Krafft, H. (1902) *A travers le Turkestan Russe*, p. 150.
59. Ibid, p. 150.
60. Ibid, p. 152.
61. Krafft, H. (1902) *A travers le Turkestan Russe*, p. 152.

Иллюстрация № 6
Образ туркестанской проститутки

Можно предположить, что А.Л. Кун мог прибегнуть к аналогичному методу подбора «моделей», обратившись к проституткам, договорившись о плате с девушками или содержателями публичных домов. Кроме мусульманок, Краффт снимал евреек, уточняя при этом, что работал не с проститутками, а с «порядочными женщинами». Француз получал разрешение на фотосессию от мужей, которые были заинтересованы в получении копий фотокарточек[62]. Не исключено, что А.Л. Кун также получил разрешение мужей евреек на фотографирование.

62. Ibid. P. 154.

Иллюстрация № 7
Одеяние и украшения туркестанских куртизанок

Туркестан был притягательным местом путешествия не только для европейцев. В начале 1870-х в крае побывал американский дипломат и исследователь Юджин Скайлер (*Eugene Schuyler, 1840–1890*). Скайлер являлся членом Американского и Русского географического общества. Дипломат оставил двухтомный труд, посвященный региону, основанный на собственных наблюдениях, общении с переселенцами и коренными жителями, чиновниками[63].

Американец, как и остальные путешественники, делал акцент на внешнем виде мусульманок. Он отмечал, что большинство появляется на улицах Ташкента только в парандже. Но в городе можно было встретить мусульманок и с открытыми лицами. Исследователи народностей Туркестана Наливкины полагали, что

63. Schuyler, E. (1876) *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*: In 2 vol. Vol. 1. N.Y.: Scribner, Armstrong & Co.

хождение мусульманок без чадры (паранджи) есть форма протеста против устаревших моральных правил:

> ...это было нечто среднее между плевком, брошенным ей в прошлое... своеобразное ликование свободы ...[64].

«Освободившиеся» от чадры девушки в обществе считались проститутками, но в действительности могли таковыми не быть. Нередко женщины отказывались от чадры, чтобы избавиться от нелюбимого мужа. Для этого мусульманка прикидывалась больной и отправлялась на прием в русскую больницу[65], где в 1870-е персонал состоял из мужчин-христиан. Это воспринималось как нарушение чистоты тела и помыслов, вторжение «иноверца» в интимное пространство женщины, беспрепятственный доступ к ее телу. С другой стороны, данный шаг мог означать отсутствие уважения к мужу, разрушить его моральную уверенность в себе, заставить осознавать себя униженным и ненужным, поскольку женщина переступила не только этические, но и религиозные формы дозволенного. Получив развод, мусульманки спокойно появлялись на улицах Ташкента без покрывала и разъезжали на фаэтонах по городу[66].

Ношение чадры выступало мерилом нравственности для мусульманки, сохранности тела женщины в неприкосновенности, указывало на верность только одному мужчине. Сдержанность в одежде отождествлялась с благочестием жизненного пути, защищала от опошления природы женщины. Чадра осознавалась мужчинами-мусульманами как приверженность традиционному общественному укладу[67]. Скайлер и Краффт отмечали, что ношение чадры было присуще не только мусульманкам, но татаркам и еврейкам, которые добровольно надевали паранджу, выходя на улицу[68]. Ношение чадры немусульманками можно расценивать как приспособление к местной культуре, принятие локального кодекса приличия во избежание конфликтных ситуаций. Надевая чадру, татарки и еврейки скрывали этническое происхождение, поскольку местные му-

64. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщин. С. 238.

65. Schuyler, E. (1876) *Turkistan*. vol. 1, p. 124.

66. Ibid. P. 124.

67. Northrop, D. (2004) *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*, p. 44. London: Cornell University Press.

68. Krafft, H. (1902) *A travers le Turkestan Russe*, p. 158.

Schuyler, E. (1876) *Turkistan*. vol. 1. P. 124.

сульмане относились к ним презрительно. К мимикрии обращались не только туркестанские татарки и еврейки, но и христианки в Сирии, которые выходили из дома закрывшись покрывалом[69].

Тернии порока туркестанского общества

Русские и европейские наблюдатели любили не только описывать экзотику Туркестана, но и осуждать пороки «туземного» общества. Многие из них упрекали мужей за равнодушие к своим женам[70]. Это происходило по нескольким причинам. Во-первых, по мнению европейцев, восточные традиции, тянущиеся из глубины веков, исключали самостоятельность выбора: за мужчин это делали родители. Во-вторых, отсутствие общения до брака десакрализировало свадебный акт, умоляло значение семьи. Отсутствие предварительного знакомства усложняло бытовую жизнь, ибо невозможно было узнать характер друг друга. В-третьих, непропорциональное разделение труда после свадьбы, когда женщина выполняет все домашние дела, приводило к раздорам. Женщины, понимая свою «утилитарную» роль, прекращали ухаживать за собой. Секс служил либо удовлетворению сиюминутных желаний, либо продолжению рода, что диктовалось традициями, контролем общины и родственников.

Общим местом в описаниях русского Туркестана были жалобы на анахроничную в глазах европейца правовую дискриминацию мусульманки, тиранию и отсутствие внимания к ее потребностям в семье со стороны мужа. Приводились местные поговорки, будто «женщина словно корова», т. е. небольшого ума и, если с ней проводить много времени мужчина рискует отупеть[71]. Среди кочевников были известны унижающие женщину пословицы:

> «Надейся лучше на собаку, чем на жену, которая может изменить тебе» или «У женщины волосы — длинны, ум — короток»[72].

Из этих клише европейские наблюдатели делали вывод, что отчужденные от семейной жизни мужчины искали способы эмо-

69. *Амин К.* Новая женщина / пер. с араб. И.Ю. Крачковский. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 3.

70. *Шишов А.* Сарты. С. 404.

71. *Остроумов Н.П.* Сарты. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1896. С. 66.

72. *Среди тюркских племен. Сообщение Н.Ф. Катанова, чл.-сотрудника ИРГО*. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. С. 8.

циональной разрядки, что приводило к аморальным поступкам. Городским мужчинам-мусульманам были известны адреса проституток, но они считались дорогим развлечением. Широко практиковались однополые связи с женоподобными молодыми мальчиками (*бачами*) из бедных семей[73], которых специально готовили, обучая эротическим танцам. В отличие от проституток, услуги бачей разрешалось оплачивать в складчину, чем пользовались небогатые мужчины. В гаремах среднеазиатских правителей бачи жили как наложницы. Любителями бачей были бухарские эмиры и *беки* (сановники)[74]. Осуждая местную интимную жизнь, русские и европейцы, тем не менее, с увлечением ее описывали. Их сочинения полны подробных сведений и фотографий бачей.

Иллюстрация № 8
Туркестанский альбом, малолетний бача

73. *Шишов А.* Сарты. С. 331.
74. Olufsen, O. (1911) *The Emir of Bokhara and His Country*. P. 436–440.

Содержатели танцующих мальчиков (*бачебазы*) помогали подопечным, оплачивая учебу. Бачей приглашали в чайхану[75] или домой, где устраивались оргии[76]. Обычно бачи пели или танцевали эротические танцы на улицах городов, что местным не казалось непристойным. Британский путешественник Генри Лансделл (*Henry Lansdell*) мог наблюдатель танцы бачей на улице Китаба. Он застал случай, когда трое мужчин играли на *тамбуринах* (барабан цилиндрической формы), а мальчики танцевали под звуки инструмента[77]. Красота бачей котировалась примерно до 25–30 лет, затем они сами становились держателями мальчиков либо преступниками, занимаясь разбоем и грабежом[78].

Мужчины могли брать с собой бачей в увеселительные поездки. К вечеру гулянка заканчивалась групповым изнасилованием[79] в каком-нибудь саду в пригороде. Иногда это приводило к убийствам на почве ревности к баче[80]. Танцы и песни бачей не только являлись средством развлечения, а были и частью театрализованных представлений. Мальчики переодевались в женскую одежду с множеством мелких бубенчиков на руках и ногах[81]. Взрослые бачи носили длинные волосы, одежда была красной[82]. Выбор цвета не случаен, красный во многих культурах символизирует эротизм, физические удовольствия, страсть и женственность[83].

75. *Остроумов Н.П.* Сарты. С. 68.

76. *Добромыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типо-литография О.А. Порцева, 1912. С. 325.

77. Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia*. vol. 2. P. 33.

78. *Остроумов Н.П.* Сарты. С. 70.

79. Именно это слово использует Н. Остроумов.

80. Там же. С. 71.

81. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару Русской миссии в 1870 году. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1871. С. 77.

82. Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia*. vol. 2. P. 33.

83. *Пастуро М.* Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 122.

Иллюстрация № 9
Через Русский Туркестан, взрослый бача

Танец бачей представлял собой перебирания босыми ногами с небольшими прыжками и волнообразными движениями руками. Сталкиваясь взглядом с мужчинами, бачи «строили глазки», закатывали их с выражением блаженства, поправляли длинные кудри, заигрывали, посылали воздушные поцелуи в сторону смотрящего[84]. После танца бачу приглашали к *достархану*, где ему давали отпить чаю из собственной пиалы, что приводило гостей в умиление[85]. К бачам обращались с почтением: «ваше пре-

84. *Крестовский В.В.* В гостях у Бухарского эмира. 175–176.

85. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару Русской миссии. С. 78.

восходительство» или «ваш раб слушает»[86] и желали всех благ: «болезни твоего несчастья да ударят меня»[87]. Психология местного общества подменяла объекты вожделения, переворачивая природой заложенные правильные модусы сексуального поведения на девиантные. В Туркестане можно было найти танцовщиц, но они держались в секрете, а увеселения с женщинами старались не афишировать. Женские эротические танцы считались презренным видом развлечения и не одобрялись коренным населением[88].

Танцы бачей имели наименования, например, «*Афгани*», «*Ширази*», «*Кашгари*», что отражало историю однополой любви, произошедшую в какой-то стране или городе[89]. У бачей имелись свои песни для каждого типа человека или определенной черты, которая выделялась нежно и карикатурно, например, для толстого и лысого, богатого и бедного. Каждого мальчика знали по имени, к которому прибавлялся его статус «бача»: Мирза Хамдам Хаджи-бача или Сеид-бача. Суть песен пронизана эротическими смыслами и страстной любовью якобы женщины к мужчине. Этнограф Абубакир Ахметжанович Диваев (1855–1933) записал и перевел несколько песен:

> Стезей очарованья ныне в танце мы пустились для друзей
> Мы друг для друга жертвуем стопами и душой своей
> Так брось во время танцев горе ты с печалью своей
> Будь добр, взгляни и дай оценку выражению Хамдамовых очей
> И нежность иная
> И поза другая[90]

Или:

> Посмотрю-ка я на влюбленного, какова та цель его
> От печалей вашей исцеление — лишь со мной совокупление
> Брови черные мои — беспокойство для души

86. Schuyler, E. (1876) *Turkistan*. vol. 1, p. 133.

87. *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане (1874–1889). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. С. 7.

88. Schuyler, E. (1876) *Turkistan*. vol. 1, p. 137.

89. Ibid, p. 134.

90. *Комаров П., Илькина А., Диваев А.* Песни бачей // Кауфманский сборник. М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерева и Ко, 1910. С. 203–219.

Для влюбленной же толпы я источник лишь одной беды
И нежность иная
И поза другая[91]

Очевидным следствием проституции и гомосексуализма европейские наблюдатели называли распространение венерических заболеваний[92]. Ислам, как любая монотеистическая религия, не приемлет проституцию, за которую полагаются суровые наказания. Гетеросексуальные отношения в исламской культуре считаются благом, гомосексуализм трактуется как преступление[93]. Несмотря на это, гомосексуализм и педофилия в Туркестане не вызывали открытого недовольства. Вместе с тем, гомосексуализм приводит к еще большему угнетению женщины. Как пишет Шишов, мусульманки считали гомосексуализм мерзким явлением, которое приводит к тому, что бачи привлекают мужчин больше чем молодые девушки[94].

Толерантность российской администрации или «игнорирование» культурно-нравственных «отклонений»?

Американский путешественник и журналист Уильям Кёртис (*William Curtis, 1850–1911*) характеризовал отношение русской власти к автохтонным традициям, обычаям и укладу жизни населения Туркестана как толерантное[95]. Российская администрация долгое время не желала вмешиваться в личное пространство «туземцев». За моральным обликом мусульман должно было следить духовенство. К притонам не применялись санкции, поскольку в России проституция была легализована еще в 1843 году[96]. В Ташкенте администрация города, по-

91. Там же. С. 203–219.

92. *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии. т. 2. С. 455.

93. *Лев-Старович З.* Секс в культурах мира / пер. с пол. М.: Мысль, 1991. С. 58; *Остроумов Н.П.* Мусульманское законоведение. Ташкент: Типография при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, 1900. С. 71–72.

94. *Шишов А.* Сарты. С. 404.

95. Curtis, W.E. (1911) *Turkestan: The Herat of Asia*. NY.: George H. Doran Company. P. 332-334.

96. Тогда по инициативе министра внутренних дел графа Льва Алексеевича Перовского (1792–1856) был создан надзорный орган за публичными женщинами — Врачебно-полицейский комитет. Сразу после занятия Ташкента российская ад-

лиция и *раис* (наблюдатель за нравственностью мусульман) покровительствовали проституткам, защищая от клиентов, которые пользовались услугами и не платили[97]. О данном факте девушка сообщала полиции, которая незамедлительно принимала меры[98].

В домах терпимости содержались мусульманки коренных народностей региона[99]. Европейские наблюдатели находили несколько причин, по которым они становились проститутками. Во-первых, по экономической: желание стать финансово независимой от мужчины или бедность семьи. Во-вторых, по психологической: склонность женщин к роскоши. В-третьих, из-за честолюбия: нежелание становиться второй или третьей женой[100]. По словам генерала Георгия Алексеевича Арандаренко (1846–1908), в городах мужья разрешали женам заниматься проституцией для обеспечения семьи[101]. В притон можно было продать женщину, легализовав дело у *казия* (судьи)[102]. Большинство притонов содержали городские мусульмане (сарты). В них зачастую было не больше 4 проституток, по числу законных жен[103]. Существовала обширная литература эротического свойства под автор-

министрация приступила к регистрации проституток. В 1876 году в Ташкенте было поставлено на медицинский учет 100 проституток, из которых 80 были местные мусульманки и 20 — русские женщины. Медицинский осмотр проводился раз в неделю. В Туркестане надзор за проститутками возлагался на полицию и городового врача. *Добромыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. С. 325–326, 342; *Малышева С.Ю.* Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX — начала XX в. // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 89–112.

97. *Добромыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. С. 325.

98. Там же. С. 325.

99. *Лыкошин Н.С.* Пол жизни в Туркестане. С. 115–116.

100. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. С. 235–236.

101. *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане (1874–1889). С. 12. По воспоминаниям востоковеда В.П. Наливкина о присоединении Кокандских владений, после занятия русскими войсками в 1875 году правого берега Сырдарьи (Наманганский уезд), местные мужчины начали привозить в русские отряды своих жен в качестве проституток. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. С. 236.

102. *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане (1874–1889). С. 12. О легкости нравов туркестанских мусульман и продажи жен любовникам на примере киргизов см.: *Михайлов Ф.А.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. — Ашхабад: Типография К.М. Федорова, 1900. С. 19.

103. *Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. С. 240.

ством местных мусульман, повествующая о гетеросексуальной и однополой любви[104].

Власти также были осведомлены, что родители продают своих малолетних сыновей бачебазам[105], чтобы заработать на пропитание. Содержатели бачей не несли ответственности перед законом, хотя гомосексуализм и педофилия в Российской империи считались уголовным преступлением. Русская власть настолько ослабила регулирование нижнего уровня административного управления, что разрешила выносить приговоры за мужеложство народному суду (*мехкеме*), не славившемуся жесткостью наказаний. По мнению востоковеда и чиновника местной имперской администрации Нила Сергеевича Лыкошина (1867–1923), если бы этим занимался светский суд России, решения по мужеложству выносились бы ощутимо строже[106].

Женская и мужская проституция портили имидж русской власти. В Ташкенте проводили облавы на притоны, кабаки и бани. После отлова проституток сортировали на местных и пришлых. Местным выдавали «желтые билеты», а приезжих высылали в родной край. Эти действия были неэффективны, численность куртизанок быстро пополнялась. В 1910 году в Ташкенте было выявлено 24 притона[107]. В 1884 году впервые деятельность бачей в «старой» (мусульманской) части Ташкента попытался пресечь городской голова полковник Степан Романович Путинцев, для чего он запросил мнение у мусульманских правоведов (*факихов*), осудивших это явление как недозволенное[108].

Но, по всей видимости, никаких мер принято не было, поскольку в 1890 году начальник Ташкента запросил мнение казиев по проблеме бачебазства. Городской управляющий получил *ривоят*[109] против бачей, на основании чего отдал распоряжение запретить танцы в чайханах[110]. Закон вступил в силу, но уже в 1896

104. *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент: Yangi nashr, 2010. С. 571–572.

105. *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане (1874–1889). С. 12.

106. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. С. 358.

107. *Добромыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. С. 342–343.

108. *Остроумов Н.П.* Сарты. С. 69–71.

109. Заключение муфтия, служившее казию основанием для вынесения решения.

110. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. С. 358.

году был отменен, и танцы бачей были введены в программу благотворительных гуляний[111]. Кроме того, на Туркестанской сельскохозяйственной, промышленной и научной выставке 1909 года, проходившей в Ташкенте, бачи открыто демонстрировали свое мастерство посетителям[112].

Любовь к бачам воспевалась в песнях *бахши* (сказителей). Терзаемый безответным чувством приглашал домой музыкантов, исполнявших утешительные элегии. Расхожим сюжетом была любовь хана к равнодушному баче. Мужчины-мусульмане, слушавшие такие напевы, плакали до момента, когда начинались куплеты про смягчение нрава юноши и проникновение его симпатий к повелителю[113]. Бачи вошли в изобразительное искусство и народную поэзию. В качестве «восточной экзотики» они непременно привлекали к себе внимание живописцев. Русский художник-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842–1904), участвовавший в боях за овладение Самаркандом[114], кистями и красками передал образ как мусульманки, укутанной в паранджу, так и бачи[115]. Традиция любования танцами бачей пережила Октябрьскую революцию и приход к власти большевиков, о чем свидетельствует стих под называнием «Туркестан», опубликованный в просветительском сборнике Туркестанского народного университета (ТНУ), где есть такие строки:

...Где фанатичный жрец Пророка
В полудремотный, поздний час
Зовет в мечеть сынов Востока
Творить обычный свой намаз
Где сарт ленивою походкой

111. Там же. С. 358. Возможно, властям не хватило средств на административное мероприятие, поэтому пришлось делать шаг назад. Владетели бачей были состоятельными людьми, а мужчинам-мусульманам нравились пляски женоподобных юношей. Видимо для привлечения внимания и интереса среди населения власти пошли на либерализацию.

112. *Комаров П., Илькина А., Диваев А.* Песни бачей // Кауфманский сборник. — М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерева и Ко, 1910. С. 203–219.

113. *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару Русской миссии в 1870 году. С. 78–79.

114. Художник оставил очерки своих приключений: *Верещагин В.В.* На войне в Азии и Европе. М.: Типография т-ва И.Н. Кошнерев и Ко, 1898. С. 1–60.

115. Schimmelpenninck, van der Oye D. (2009) "Vasilij V. Vereshchagin's Canvases of Central Asian Conquest", *Cahiers d'Asie Centrale* 17/18: 179–209.

Спешит под тень карагача
Где сладострастною кокоткой
Танцует женственный бача ...[116]

Заключение

Во второй половине XIX века Русский Туркестан стал притягательным местом для путешественников и исследователей. Желая больше узнать о новых владениях России, этнографы и востоковеды приступили к изучению «туземных» народностей, включая женщин. Мусульманку пытались охарактеризовать как можно точнее и ярче, что рождало нарративы эротизма и экзотизма. Наблюдатели старались запечатлеть визуальные, нравственные и духовные характеристики женщин; при этом часто, фиксируя традиции и обычаи общества, они находились под властью собственных предубеждений о Востоке и мусульманках, почерпнутых из «ориенталистской» литературы.

На помощь власти и науке в XIX веке пришла фотография. Благодаря ей, К.П. фон Кауфману и А.Л. Куну удалось открыть завесу тайны облика туркестанских мусульманок: как они выглядят, как одеваются, чем занимаются, как развлекаются. «Туркестанский альбом» — это ретрансляция не «объективного» положения мусульманок, а созданная имперской администрацией декорация, предназначенная для того, чтобы произвести впечатление на международной арене и на российскую публику. Альбом схематичен и прост. Репрезентация коренных народов края в физиогномическом, стилистическом и бытовом смысле рельефно демонстрирует их многообразие.

Работа Краффта «Через Русский Туркестан» по замыслу явилась противоположностью «Туркестанского альбома». Опираясь на опыт француза, можно понять механизм создания имперского фотопроекта, в частности привлечение к позированию мусульманок, оказавшихся либо проститутками, либо дочерями русифицированных мусульман. Над проститутками отсутствовал контроль со стороны родителей и родственников, для них ничего не значило мнение окружающих. Многие куртизанки были замужними женщинами, заключившими *никях* (брак) по шариату, но это была лишь фикция для прикрытия притона. Ношение чадры

116. Сборник Туркестанского Народного Университета. Ташкент: Издание Комиссариата Народного образования Туркестанской республики, 1918. С. 169.

(паранджи) мусульманками было не повсеместным, а зависело от условий окружающей среды, культурных, общественных норм. Некоторые городские мусульманки отказывались от паранджи добровольно и при этом не были проститутками, хотя в глазах большинства правоверных автоматически считались таковыми. В целом, консерватизм был глубоко укоренен в сознании простых жителей и подавляющего числа «туземной» аристократии.

Эротизм и экзотизм — неотъемлемая часть травелогов и очерков — проявляется немедленно, когда авторы описывают мусульманку. Однако в большей степени в повествованиях встречаются не привлекательные девушки, а юные бачи, которые не скрывались от взоров. Женственные мальчики считались важным звеном в повседневной жизни многих мужчин-мусульман, потерявших интерес к семейной жизни и женам, которых сами не выбирали. Несмотря на осуждение гомосексуализма и педофилии и в исламе, и в законах Российской империи, местное общество относилось к ним терпимо. Пляски бачей были обыденностью, распространенной не в закрытых сообществах, а в публичном пространстве. Эротические танцы девушек, наоборот, старались скрывать. Нарративные и визуальные репрезентации конструировали ориенталистский образ и колорит туркестанского общества, с повсеместно присутствующим чувством вожделения и гедонизмом, где даже мужчины оказались феминизированы.

Библиография / References

Источники

Абаза К.К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902.

Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане (1874–1889). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889.

Алиханов М. Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПб.: Типография А. Траншеля, 1883.

Амин К. Новая женщина / Пер. с араб. И.Ю. Крачковский. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки в Тегеран через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд. СПБ.: Типография А.И. Мамонтова, 1865.

Верещагин В.В. На войне в Азии и Европе. М.: Типография т-ва И.Н. Кошнерев иКо, 1898.

Вощинин В. Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб.: Типография т-ва «Наш век», 1914.

Гартевельд В.Н. Среди зыбучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1914.

Гейер И.И. Туркестан. Ташкент: Типография туркестанского т-ва печатного дела, 1909.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб.: Типография В.С. Калашева, 1883.

Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типо-литография О.А. Порцева, 1912.

Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: (Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века), Наука, 1983.

Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893.

Ковалевский Е.П. Зюльма, или женщина на Востоке / Странствователь по суше и морям. СПб.: Типография И.Н. Бочарова, 1843.

Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Типография В. Безобразова, 1870.

Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару Русской миссии в 1870 году. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1871.

Комаров П., Илькина А., Диваев А. Песни бачей // Кауфманский сборник. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерева и Ко, 1910. С. 203–219.

Крестовский В.В. В гостях у Бухарского эмира. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1887.

Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб.: Типография В.А. Полетики, 1879.

Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Новый Маргилан: Типография Ферганского областного правления, 1891, т. 2.

Кун А.Л. Туркестанский альбом. Часть этнографическая. Туземное население в русских владениях Средней Азии. Ташкент: Типо-литография ТуркВО, 1871–1872, т. 1 и 2.

Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад: Типография К.М. Федорова, 1897.

Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения. Петроград: Типография Б.Д. Брукера, 1916.

Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901, т. 1.

Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 году. М.: Типография Августа Семина, 1822.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: (Русские путешественники в странах Востока), Наука, 1968.

Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типография Императорского университета, 1886.

Остроумов Н.П. Сарты. Ташкент: Типо-литография торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1896.

Остроумов Н.П. Мусульманское законоведение. Ташкент: Типография при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, 1900.

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Типография Таблена и Ко, 1868.

Смирнов Б. В степях Туркестана. М.: Издание книжного склада М.В. Клюкина, 1914.

Тагеев Б. По Афганистану. Приключения русского путешественника. М.: Типография Д.П. Ефимова, 1904.

Фуркат. Автобиография: избранное / Сост. Х. Расулев. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1961.

Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1843.

Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб.: Типография А. Траншеля, 1876.

Хива или географическое и статистическое описание Хивинского ханства. М.: Университетская типография, 1840.

Шишов А. Сарты. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1904.

Шишов А. Таджики. Ташкент: Типография туркестанского т-ва печатного дела, 1910.

Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии. От Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1893.

Литература

Абашин С.Н. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. № 04 (84). 2012. С. 120–138.

Абашин С.Н. В.П. Наливкин: «... Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» / Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды: сборник; ред.-сост.: С.Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 17–63.

Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи (1789–1918) / Пер. с англ. Е. Незлобиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Арапов Д.Ю. Владимир Петрович Наливкин (Биографическая справка) / Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды: сб.; ред.-сост.: С.Н. Абашин и др. М.: Изд. дом Марджани, 2015. С. 11–16.

Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент: Yangi nashr, 2010.

Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: РОССПЭН, 2018.

Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016.

Лев-Старович З. Секс в культурах мира / Пер. с пол. М.: Мысль, 1991.

Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент: Издательство АН Узбекской ССР, 1962.

Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965.

Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: ФАН, 1979.

Лунин Б.В. История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX века). Ташкент: ФАН, 1990.

Малышева С.Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX — начала XX в. // Диалог со временем, № 31, 2010. С. 89–112.

Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016.

Пастуро М. Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение. 2019.

Прищепова В.А. Центральная Азия в фотографиях российских исследователей (по материалам иллюстративных коллекций МАЭ РАН) / Центральная Азия: традиция в условиях перемен / отв. ред. Р.Р. Рахимов. СПб.: Наука, 2007, вып. 1. С. 223–260.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011.

Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Міръ, 2016.

Сборник Туркестанского Народного Университета. Ташкент: Издание Комиссариата Народного образования Туркестанской республики, 1918.

Соболев В.Г. Историография российского ориентализма: к вопросу о методологии исследования // Pax islamica, 2(11), 2013. С. 39–59

Султонов А.У. Русский востоковед А.Л. Кун и его коллекция исторических документов мазара Ахмада Йасави // Восточный архив. № 1(29). 2014. С. 76–83.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 2013.

Чернышева М. Новый взгляд на феномен реализма: о фотографическом проекте художника Верещагина и генерала Кауфмана // Ab Imperio. № 4. 2015. С. 379–413.

Юргенева А.Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Визуальные медиа: история, эстетика, современные тенденции. № 3. 2018. С. 136–167.

Sources

Abaza, K.K. (1902) *Zavoyevanie Turkestana. Rasskazy iz voyennoy istorii, ocherki prirody, byta i nravov tuzemtsev*. [The Conquest of Turkestan. Stories from Military History, Essays on Nature, Life and Customs of the Natives]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

Abbot, J. (1843) *Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburgh*. London: Wm. H. Allen and Co, in 2 vol.

Arandarenko, G.A. (1889) *Dosugi v Turkestane (1874–1889)*. [Leisure in Turkestan (1874–1889)]. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasyulevicha.

Alikhanov, M. (1883) *Mervskii oazis i dorogi vedushchie k nemu*. [Merv Oasis and Roads Leading to it]. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya.

Amin, K. (1912) *Novaia zhenshchina* [The New Woman]. St. Petersburg: Tipografiia V.F. Kirshbauma.

Burslem, R. (1846) *A Peep into Toorkistan*. London: Pelham Richardson.

Curtis, W.E. (1911) *Turkestan: The Herat of Asia*. NY.: George H. Doran Company.

Dobromyslov, A.I. (1912) *Tashkent v proshlom i nastoiashchem. Istoricheskii ocherk*. [Tashkent in Past and Present. Historical Essay]. Tashkent: Tipo-litografiia. O.A. Portseva.

Evarnitskii, D.I. (1893) *Putevoditel' po Srednei Azii. Ot Baku do Tashkenta v arkheologicheskom i istoricheskom otnosheniiakh*. [Guide to Central Asia. From Baku to

Tashkent in Archaeological and Historical Relations]. Tashkent: Tipo-litografiia S.I. Lakhtina.

Furkat. (1961) *Avtobiografiia* [Autobiography]. Tashkent: Goslitizdat UzSSR.

Gartevel'd, V.N. (1914) *Sredi zibuchikh peskov i otrublennikh golov. Putevie ocherki Turkestana*. [Among Quicksand and Severed Heads. Travel Essays of Turkestan]. Moscow: Tipografiia A.I. Mamontova.

Geier, I.I. (1909) *Turkestan*. [Turkestan]. Tashkent: Tipografiia turkestanskogo t-va pechatnogo dela.

Grodekov, N.I. (1883) *Voina v Turkmenii* [The War in Turkmenistan]. St. Petersburg: Tipografiia V.S. Kalasheva.

Katanov, N.F. (1893) *Sredi tyurkskikh plemen* [Among the Turkic tribes]. St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina.

Kemp, E.G. (1910) *The Face of Manchuria, Korea & Russian Turkestan*. London: Chatto & Windus.

Kennedy, R. (1890) *A Journey in Khorassan and Central Asia*. London: Hatchards.

Khanykov, N. (1843) *Opisanie Bukharskogo khanstva* [Description of the Bukhara Khanate]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.

Khoroshkhin, A.P. (1876) *Sbornik statei, kasayushchikhsia do Turkestanskogo kraia* [Collection of Articles Relating to the Turkestan Region]. St. Petersburg: Tipografiia A. Transhelya.

Khiva ili geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khivinskogo khanstva. (1840) [Khiva or Geographic and Statistical Description of the Khiva Khanate]. Moscow: Universitetskaya tipografiia.

Kovalevskii, Ye.P. (1843) *Ziul'ma, ili zhenshchina na Vostoke* / Stranstvovatel' po sushi i moriam [Sulma, or Woman in the Orient / Wanderer by Lands and Seas]. St. Petersburg: Tipografiia I.N. Bocharova.

Kostenko, L.F. (1870) *Sredniaia Aziia i vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti* [Central Asia and the Establishment of Russian Citizenship in it]. St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova.

Kostenko, L.F. (1871) *Puteshestvie v Bukharu Russkoi missii v 1870 godu* [Travel to Bukhara of the Russian Mission in 1870]. St. Petersburg: Tipografiia A. Morigerovskogo.

Komarov P., Il'kina A., Divaev A. (1910) "*Pesni bachei"* [Songs of the Bachas], Kaufmanskii sbornik, pp. 203–219. Moscow: Tipo-litografiia t-va I.N. Kushnereva i Ko.

Krafft, H. (1902) *A travers le Turkestan Russe. Ouvrage illustré de deux cent-soixante-cinq gravures d'après les clichés de l'auteur et contenant une carte en couleurs*. Paris: Hachette.

Krestovskii, V.V. (1887) *V gostiakh u Bukharskogo emira* [Visiting the Bukhara Emir]. St. Petersburg: Izdaniye A.S. Suvorina.

Kuropatkin, A. (1879) *Turkmeniia i turkmeni* [Turkmenistan and Turkmens]. St. Petersburg: Tipografiia V.A. Poletiki.

Kushelevskii, V.I. (1891) *Materiali dlia meditsinskoi geografii i sanitarnogo opisaniia Fergan-skoi oblasti*. T. 2 [Materials for Medical Geography and Sanitary Description of the Fergana Region]. Pt. 2. Novii Margilan: Tipografiia Ferganskogo oblastnogo pravleniia.

Kun, A.L. (1871–1872) *Turkestanskii al'bom. Chast' etnograficheskaya. Tuzemnoe naselenie v russkikh vladeniyakh Srednei Azii*. T. 1 i 2 [Turkestan Album. Ethnographic Part. Native Population in Russian Possessions of Central Asia]. Vol. 1 and 2. Tashkent: Tipo-litografiia TurkVO.

Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Boston: Houghton, Mifflin & Co.

Lomakin, A. (1897) *Obychnoe pravo turkmen* [Customary Law of Turkmens]. Ashkhabad: Tipografiia K.M. Felorova.

Lykoshin, N.S. (1916) *Pol zhizni v Turkestane. Ocherk byta tuzemnogo naseleniia* [Half Life in Turkestan. Essay on the Mode of the Native Population]. Petrograd: Tipografiia B.D. Brukera.

Markov, Ye. (1901) *Rossiia v Srednei Azii. Ocherki puteshestviia po Zakavkaz'iu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastiam, Kaspiiskomu moru i Volge*. T. 1. [Russia in Central Asia. Essays on Traveling in the Caucasus, Turkmenistan, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana Regions, the Caspian Sea and the Volga]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasyulevicha.

Meakin, A. (1903) *In Russian Turkestan. A Garden of Asia and Its People*. London: Ballantyne, Hanson & Co.

Murav'ev, N. (1822) *Puteshestvie v Turkmeniiu i Khivu v 1819–1820 godu* [*Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819–1820*]. Moscow: Tipografiia Avgusta Semina.

Nazarov, F. (1968) *Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh sredney chasti Azii. (Russkiye puteshestvenniki v stranakh Vostoka)* [Notes about Some Nations and Lands of the Middle Part of Asia (Russian Travelers in Orient Countries)]. Moscow: Nauka.

Nalivkin, V.P., Nalivkina, M.V. (1886) *Ocherk byta zhenshchin osedlogo tuzemnogo naseleniia Fergany*. [Essay on the Life of Women in the Aborigine Population of Fergana]. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta.

Ostroumov, N.P. (1896) *Sarty* [Sarts]. Tashkent: Tipo-litografiia torg. doma F. i G. Br. Kamenskiye.

Ostroumov, N.P. (1900) *Musul'manskoe zakonovedenie* [Muslim Jurisprudence]. Tashkent: Tipografiia pri kantselyarii Turkestanskogo general-gubernatora.

Olufsen, O. (1911) *The Emir of Bokhara and His Country*. Copenhagen: Nielsen & Lydiche.

Pashino, P.I. (1868) *Turkestanskii krai v 1866 godu. Putevie zametki* [Turkestan Region in 1866. Travel Notes]. St. Petersburg: Tipografiia Tablena i Ko.

Schuyler, E. (1876) *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*. Vol. 1. NY.: Scribner, Armstrong & Co.

Skrine, F.H., Ross, E.D. (1899) *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times*. London: Methuen & Co.

Smirnov, B. (1914) *V stepyakh Turkestana* [In Turkestan Steppes]. Moscow: Izdanie knizhnogo sklada M.V. Klyukina.

Shishov, A. (1904) *Sarty* [Sarts]. Tashkent: Tipo-litografiia V.M. Il'ina.

Shishov, A. (1910) *Tadzhiki* [Tadjiks]. Tashkent: Tipografiia turkestanskogo t-va pechatnogo dela.

Tageev, B. (1904) *Po Afganistanu. Prikliucheniia russkogo puteshestvennika* [Across Afghanistan. Adventures of Russian Traveler]. Moscow: Tipografiia D.P. Yefimova.

Vamberi, A. (1865) *Puteshestvie po Sredney Azii. Opisanie poezdki v Tegeran cherez Turkmenskuiu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo moria v Khivu, Bukharu i Samarkand* [Traveling into Central Asia. Description of the Trip to Tehran Through the Turkmen Steppe Along the Eastern Shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand]. St. Petersburg: Tipografiia A.I. Mamontova.

Vereshchagin, V.V. (1898) *Na voine v Azii i Evrope* [In the War in Asia and Europe]. Moscow: Tipografiia t-va I.N. Koshnerev i Ko.

Voshchinin, V. (1914) *Ocherki Novogo Turkestana. Svet i teni russkoi kolonizatsii* [Essays about New Turkestan. Light and Shadows of Russian Colonization]. St. Petersburg: Tipografiia t-va «Nash vek».

Zapiski o Bukharskom khanstve (otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha). (1983) *(Tsentral'naia Aziia v istochnikakh i materialakh XIX — nachala XX veka)* [Notes about Bukhara Khanate (reports by P.I. Demezon and I.V. Vitkevich)]. Moscow: Nauka.

Literature

Abashin, S.N. (2012) *"Vlast' i fotografiia: vizual'naia reprezentatsiia v imperskoi ramke"* [Power and Photography: Visual Representation in the Imperial Frame], *Neprikosnovennyi zapas* 04 (84): 120–138.

Abashin, S.N. (2015) "V.P. Nalivkin: «... Budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...»" [V.P. Nalivkin: «... There will be that Which Must Inevitably be; and that Which Must Inevitably be, Can no Longer be ...»], in S.N. Abashin, et.al. (eds) *Polveka v Turkestane. V.P. Nalivkin: biografiia, dokumenty, trudy: sbornik*. Moscow: Izd. dom Mardzhani.

Abrams, L. (2011) *Formirovanie evropeiskoi zhenshchini novoi epokhi (1789–1918)* [Formation of a European Woman of a New Era (1789–1918)]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Alloula, M. (1997) *The Colonial Harem* / trans. from French: Myrna Godzich and Wlad Godzich. London: University of Minnesota Press.

Arapov, D.Yu. (2015) "Vladimir Petrovich Nalivkin (Biograficheskaya spravka)" [Vladimir Petrovich Nalivkin (Curriculum Vitae)], in S.N. Abashin, et.al. (eds) *Polveka v Turkestane. V.P. Nalivkin: biografiia, dokumenty, trudy: sbornik*. Moscow: Izd. dom Mardzhani.

Babadjanov, B.M. (2010) *Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiia* [Kokand Khanate: Power, Politics, Religion]. Tashkent: Yangi nashr.

Boetsch, G., Savarese, E. (1999) "Le corps de l'Africaine. Érotisation et inversion", *Cahiers d'études africaines* 39(153): 123–144.

Brower, D. (2003) *Turkestan and the Fate of Russian Empire*. London: Routledge.

Chernysheva, M. (2015) "Novyi vzgliad na fenomen realizma: o fotograficheskom proekte khudozhnika Vereshchagina i generala Kaufmana" [A New Aspects at the Phenomenon of Realism: About Photographic Project of the Artist Vereshchagin and General Kaufman], *Ab Imperio* 4: 379–413.

Geraci R.P., M. Khodarkovsky, eds. (2001) *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. London: Cornell University Press.

Gorshenina, S., Sonntag, H. (2018) "Early Photography as Cultural Transfer in Imperial Russia: Visual Technology, Mobility and Modernity in the Caucasus and Central Asia", *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*: 322–344.

Kotiukova, T.V. (2016) *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Peripheries in Special Conditions ... Turkestan in Anticipation of the Drama]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga.

Malysheva, S.Yu. (2010) "Publichnye doma i prostitutki v dosugovoi i povsednevnoi zhizni Kazani vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv." [Brothels and Prostitutes in Kazan's Leisure Time and Everyday Life at the Late 19th — early 20th century], *Dialog so vremenem* 31: 89–112.

Morrison, A.S. (2008) *Russian Rule in Samarkand. A Comparison with British India (1868–1910)*. NY.: Oxford University Press.

Lev-Starovich, Z. (1991) *Seks v kul'turakh mira* [Sex in World Cultures]. Moscow: Mysl'.

Lunin, B.V. (1962) *Nauchnye obshchestva Turkestana i ikh progressivnaya deyatel'nost' (konets XIX — nachalo XX veka)* [Scientific Societies of Turkestan and Their Progressive Activities (Late XIX — Early XX Centuries)]. Tashkent: Izdatel'stvo AN Uzbekskoi SSR.

Lunin, B.V. (1965) *Sredniaia Aziia v dorevoliutsionnom i sovetskom vostokovedenii.* [Central Asia in Pre-revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Tashkent: Nauka.

Lunin, B.V. (1979) *Sredniaia Aziia v nauchnom nasledii otechestvennogo vostokovedeniya. Istoriograficheskiy ocherk* [Central Asia in the Scientific Heritage of Russian Oriental Studies. Historiographical Essay]. Tashkent: FAN.

Lunin, B.V. (1990) *Istoriia Uzbekistana v istochnikakh. Uzbekistan v soobshcheniyakh puteshestvennikov i uchenykh (20–80-ye gody XIX veka)* [The History of Uzbekistan in the Sources. Uzbekistan in the Messages of Travelers and Scientists (20–80s of the XIX century)]. Tashkent: FAN.

Northrop, D. (2004) Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. London: Cornell University Press.

Bobrovnikov, V.O., Miri, S. Dzh. (eds) (2016) *Orientalizm vs. orientalistika* [Orientalism vs. Orientalistica]. Moscow: Sadra.

Pasturo, M. (2019) *Krasnyi. Istoriya tsveta* [Red. A Story of Colour]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Prishchepova, V.A. (2007) "Tsentral'naia Aziia v fotografiiakh rossiiskikh issledovatelei (po materialam illiustrativnykh kollektsiy MAE RAN)" [Central Asia in the Photographs of Russian Researchers (Based on Materials from the Illustrative Collections of the MAE RAS)], in R.R. Rakhimov *Tsentral'naia Aziia: traditsiia v usloviiakh peremen.* Vyp. 1, pp. 223–260. St. Petersburg: Nauka.

Prishchepova, V.A. (2011) *Illiustrativnye kollektsii po narodam Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka v sobraniiakh Kunstkamery* [Illustrative Collections on the Peoples of Central Asia of the Second Half of the XIX — Early XX Centuries in the Collections of the Kunstkamera]. St. Petersburg: Nauka.

Said, E.V. (2016) *Orientalizm: zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Concept of the Orient]. St. Petersburg: Russkiy Mir".

Sbornik Turkestanskogo Narodnogo Universiteta [Collection of Turkestan People's University] (1918). Tashkent: Izdaniye Komissariata Narodnogo obrazovaniia Turkestanskoy respubliki.

Sobolev, V.G. (2013) "Istoriografiya rossiiskogo orientalizma: k voprosu o metodologii issledovaniia" [The Historiography of Russian Orientalism: on the Question of the Research Methodology], *Pax islamica* 2 (11): 39–59.

Schimmelpenninck, van der Oye D. (2009) "Vasilij V. Vereshchagin's Canvases of Central Asian Conquest", *Cahiers d'Asie Centrale* 17/18: 179–209.

Sultonov, A.U. (2014) "Russkii vostokoved A.L. Kun i ego kollektsiia istoricheskikh dokumentov mazara Akhmada Iasavi" [Russian Orientalist A.L. Kun and His Collection of Historical Documents of Ahmad Yasawi Mazar], Vostochnyi arkhiv 1(29): 76–83.

Tol'ts, V. (2013) *«Sobstvennyi Vostok Rossii»: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [«Own East of Russia»: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Vasiliev, D.V. (2018) *Bremia imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the XIX Century]. Moscow: ROSSPEN.

Yurgeneva, A.L. (2018) "Etnograficheskaia fotografiia XIX veka i ee sovremennye modifikatsii" [Ethnographic Photography of the XIX Century and its Modern Modifications], *Vizual'nyye media: istoriia, estetika, sovremennye tendentsii* 3: 136–167.